

Обеспечение единообразия судебной арбитражной практики

Интернет-интервью с Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Ивановым, которое состоялось в компании «Консультант Плюс»*

А.А. Иванов, Председатель
Высшего Арбитражного Суда
Российской Федерации

— Добрый день, Антон Александрович! «Консультант Плюс» приветствует Вас и благодарит за согласие принять участие в интернет-интервью.

Возглавляемое Вами «ведомство» (если можно так выразиться) находится на стыке экономики и права — двух ниш, которые сегодня привлекают особое внимание российской общественности. Но не только этим объясняется столь большое количество поступивших вопросов. Бросается в глаза значительный интерес лично к Вам как к новому руководителю коммерческого (экономического) правосудия в стране. Нашу аудиторию интересует, каким курсом Вы поведете введенный Вам корабль?

Два вопроса, которые Вы неоднократно уже озвучивали в своих публичных выступлениях, называя их задачами первостепенной важности, так или иначе сформулированы нашими участниками интернет-интервью. Это — политика открытости арбитражных судов и единство судебной практики.

— Действительно, я тоже обратил внимание на разнообразие поступивших вопросов. Кстати, некоторые из них дают пищу для размышлений, за что я весьма благодарен аудитории. Получается некая «обратная связь», позволяющая иначе взглянуть на результаты нашей деятельности. Думаю, что нам следует на сайте Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации сделать некую «гостевую книгу» для возможности постоянного общения с гражданами и организациями.

Что касается заявленной темы интернет-интервью об обеспечении единства судебной арбитражной практики, то здесь я должен сказать следующее. Проблема эта «всплыла» не сегодня. Юридическая общественность уже давно об этом говорит. Я же столкнулся с этим вплотную, когда стал Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Во время заседаний Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по конкретным делам я обнаружил, что судебная практика окружных арбитражных судов (это кассационная инстанция) резко различается. Безусловно, это негативно сказывается на защите прав предпринимателей, поскольку напрочь отсутствует фактор предсказуемости по типовым правовым ситуациям. Рычаги реагирования на такой разнородной действуют, к сожалению, не всегда. Мы не имеем возможности оперативного исправления ошибок, поскольку есть определенные судебные процедуры. У обзоров же судебной практики налицо направленность в будущее, а значит, они никак не затрагивают уже рассмотренные дела.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, безусловно, является неким «ситом», но уж больно оно редкое — мало дел попадает туда на рассмотрение. Таким образом, получается, что фактически арбитражно-судебная практика формируется сегодня на уровне кассации. Как ее унифицировать? Это вопрос. 10 лет назад, когда в нашей системе появились федеральные арбитражные суды округов, это явилось грандиозным прорывом в деле защиты прав и законных интересов участников экономических отношений. Осенью текущего года, кстати, мы собираемся отметить этот юбилей. Действительно, кассация оправдала себя как полноценная и необходимая судебная инстанция. Однако, как видим, есть и проблемы. Они требуют своего разрешения, и мы серьезно над этим думаем. Необходимо создать некую систему, некий механизм гармонизации арбитражной практики окружных судов — на сегодня это одна из основных задач.

* Печатается в сокращенном варианте. Полная версия интервью впервые опубликована на сайте компании «Консультант Плюс» www.consultant.ru 3 июня 2005 г.

— Антон Александрович, так Вы планируете широко отмечать 10-летие ФАСов?

— У нас — в системе арбитражных судов — мы безусловно отметим это событие. В Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации создана рабочая группа по подготовке празднования. В Москву съедутся председатели всех десяти окружных судов. В Администрацию Президента России подана заявка на государственные награды наиболее выдающимся служащим Фемиды в нашей системе. Будет торжественное собрание, праздничный концерт.

Мы действительно очень высоко оцениваем значение факта создания окружных судов. Проверка законности судебных актов в кассационном порядке является одной из гарантий участников процесса. А то, что наши округа никак не совпадают с административно-территориальным делением России, является дополнительной гарантией для сторон, поскольку исключает административное воздействие на арбитражные суды других ветвей власти.

— Какова Ваша позиция в отношении единообразия в арбитражной судебной практике?

— В целом практика арбитражных судов строится единообразно, но есть исключения, которые, тем не менее, не колеблют общего правила. Эти исключения бывают. Цель состоит в том, чтобы сделать их количество как можно меньше — с одной стороны. А с другой стороны — чтобы был создан механизм, который будет служить обеспечению реального единства судебной практики. Этот организационный механизм крайне важен для нас. Какие конкретно это меры, пока еще четко сказать нельзя, потому что соответствующие решения еще не приняты. Это должен быть целый комплекс мер. Можно обсуждать только некоторые направления соответствующих изменений, которые кажутся разумными. В частности, одним из таких направлений может служить подготовка различных обобщений судебной практики, более интенсивная работа над постановлениями Президиума и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в которых формируется единая для всей системы позиция. Она должна приниматься во внимание всеми арбитражными судами при рассмотрении конкретных дел. Это, если можно так выразиться, общеинституциональный аспект обеспечения единства судебной практики, когда практика гармонизируется в целом по категориям дел. Однако этот комплекс мер сам по себе не способен гармонизировать практику по конкретным делам, поскольку когда соответствующие обобщения или постановления Пленума приняты, они действуют на будущее время. Что же касается тех дел, которые уже были рассмотрены, и решения по которым вступили в силу, на них эти

постановления Пленума и обобщения практики не распространяются. Поэтому их цель состоит в том, чтобы обеспечить единство судебной практики при рассмотрении конкретных дел, но такое единство может обеспечить только Высший Арбитражный Суд Российской Федерации для всех арбитражных судов, федеральные арбитражные суды округов — для своих кассационных округов, апелляционные суды — для своих апелляционных округов, а суды субъектов — для судей, которые рассматривают дело в рамках конкретного субъекта. Истинно единая практика формируется на уровне Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, поскольку речь идет о втором аспекте единства — об обеспечении единства процессуальными мерами.

Можно также обдумать ряд мер, направленных на усовершенствование процедуры рассмотрения дел в надзорной инстанции. Одной из таких мер может быть подготовка мотивированных определений об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вторая мера, которая может обеспечить единство, это внесение в Арбитражный процессуальный кодекс изменений, позволяющих судам обращаться с запросами в процессуальной форме в Высший Арбитражный Суд Российской Федерации о толковании тех или иных спорных, противоречивых норм закона. Это тоже обеспечит единство судебной практики.

И, наконец, еще одним возможным вариантом обеспечения единства судебной практики может послужить ускорение процедуры подготовки обобщений и постановлений Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда за счет уменьшения объема проблем, по которым соответствующие позиции высказываются. Может быть, следовало бы делать более короткие, но довольно частые обзоры практики и постановления о толковании отдельных статей закона. Думаю, что это тоже способствовало бы в немалой степени обеспечению единства.

— Как Вы оцениваете ситуацию с коррупцией в арбитражных судах? Не считаете ли Вы, что налаживание работы по обеспечению единства судебно-арбитражной практики будет способствовать ее снижению?

— Было бы глупо утверждать, что коррупции в арбитражных судах нет. Конечно, случаи коррупции встречаются, и подтверждением этому служит периодическое лишение полномочий тех или иных судей. Но, тем не менее, эти случаи не так часты, как представляется многим нашим гражданам, исходя из сообщений средств массовой информации, из слухов и сплетен, которые собираются на бытовом уровне.

Здесь очень часто срабатывает следующий синдром. Проигравшая сторона не хочет смириться с тем, что ее позиция была слабой или неубедительной, или что ей, в общем, не следовало затевать судебный процесс, а все сваливает на судей, которые, по ее мнению, были пристрастны при рассмотрении тех или иных дел. Я бы сказал, что это бытовой вариант преувеличений. Иногда, бывает, читаешь какую-то жалобу по делу на совершенно ничтожную сумму, по которой судьи обвиняются в корыстных мотивах. Даже смысла нет, исходя из суммы иска, говорить о том, что здесь имели место какие-то злоупотребления. Просто судья выразил свою позицию по данному делу, которая не нравится стороне. Вот она и старается его обвинить. Хотя, я еще раз подчеркну, отрицать факты наличия коррупции в судах было бы глупо.

Точно так же было бы глупо говорить о том, что можно придумать какой-то универсальный способ полного искоренения коррупции. Вряд ли можно говорить о том, что такой способ существует. Искоренить коррупцию, боюсь, нельзя, потому что об этом свидетельствует весь тысячелетний опыт развития человеческой цивилизации, на всех стадиях которого факты коррупции имели место. Но уменьшить коррупцию можно. Для этого нужно полноценно и целенаправленно реализовывать целый комплекс мер, направленных на ее снижение. Одной из таких мер является обеспечение единства судебной практики. Когда судья знает, как обычно разрешаются данные дела, то возможность его субъективного усмотрения в пользу той или иной стороны существенно снижается. Поэтому снижению коррупции будет способствовать не работа по обеспечению единства, а результат этой работы, когда судебная практика будет гармонизирована и станет широко доступной, понятной или, хотя бы в основных чертах, понятной — не только судьям, но и всей юридической общественности, и всему населению. Вот эти результаты работы по обеспечению единства судебной практики будут способствовать снижению коррупционных проявлений, потому что появятся определенные правила, будут более детализованы правовые позиции по конкретным делам.

— **Возможно ли предоставление судам кассационной инстанции полномочий по обобщению практики применения законодательства с приданием данным разъяснениям той или иной степени обязательности?**

— Судьи кассационной инстанции и сейчас проводят обобщения судебной практики в пределах своих округов и готовят соответствующие информационные письма. Мне кажется, что это направление деятельности кассационных инстанций имеет очень важное и весьма полезное значение. Во всяком случае, по результатам такого обобщения и Высшему

Арбитражному Суду, и всей юридической общественности, всему населению становится известной практика судов кассационной инстанции на территории своего кассационного округа. Для Высшего Арбитражного Суда эти обобщения служат, с одной стороны, основой, на которой он сам строит свои обобщения. А с другой стороны, они служат неким сигналом, что где-то что-то неблагополучно, может быть что-то требует унификации. Так что объективно эти обобщения судов кассационной инстанции весьма полезны.

Что касается придания им обязательной силы, то и наши разъяснения — разъяснения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации — обязательной силы не имеют, а несут лишь рекомендательный характер. Да и трудно говорить о придании им обязательной силы, ведь это не норма закона, а некий результат рассмотрения отдельных дел. Рассматривая отдельные дела, каждое из которых индивидуально, имеет свои особенности, мы не можем придать обобщениям практики какую-то законную, легальную обязательность. Сделав иначе, мы тем самым подменили бы собой законодателя. Отсутствие легальной, законной обязательности, тем не менее, не означает, что эти обобщения лишены должного авторитета, поскольку они подготовлены соответствующим судом, учитывают всю систему сложившейся практики, все позиции по делу и, таким образом, могут обеспечивать единство правоприменения. Обязательную силу им придавать не надо, но надо стараться, чтобы они были авторитетными с точки зрения объема, серьезности и глубины проведенных обобщений.

— **Проблема коррупции в органах судебной власти обсуждается в печати достаточно давно. Вы в своих интервью не раз отмечали, что открытость судебной власти, открытость судебных решений способствует снижению уровня коррупции в целом. За последние несколько лет арбитражная система существенно продвинулась в вопросах открытости. Отдельные арбитражные суды стали размещать на Интернет-сайтах подробную информацию о рассмотрении дел в суде, а также копии судебных решений. Как Вы оцениваете влияние этих процессов на арбитражную систему и будет ли новое руководство Высшего Арбитражного Суда развивать или способствовать их развитию?**

— Действительно, открытость судебной власти, доступность судебных решений способствует снижению коррупции, об этом я уже говорил. В этих целях правильно увеличивать объем информации, которая размещена на интернет-сайтах и доступна для всех, и поддерживать эти сайты в актуальном состоянии. Мы будем всячески способствовать развитию этих

процессов дальше. Хотелось бы, чтобы на сайтах публиковались все судебные решения, а в перспективе суды перешли бы к размещению всех актов, принимаемых в рамках движения судебного дела, и целиком построили свою деятельность на принципе свободы доступа общественности к этим материалам. Причем существование таких сайтов — не самоцель, а элемент всей системы организации судебной работы, поскольку она должна быть построена изнутри таким образом, чтобы быть рассчитанной на открытость, работать на эту открытость. Хотя, конечно же, в процессе судебной деятельности иногда появляются сведения, которые не стоило бы публиковать. Например, те сведения, которые составляют тайну лиц, участвующих в деле. Но для этого лица сами должны заявить об этой тайне, о том, что у них есть сведения, которые составляют эту тайну. И для оглашения таких сведений должно быть проведено закрытое судебное слушание. Если же они этого не заявили, то считается, что никакую тайну они не разгласили. Видимо, так следует рассуждать. При этом надо понимать, что публикация судебных актов — это вопрос, который требует очень серьезного организационного и финансового обеспечения. Сейчас ряд судов частично эту работу сделал на энтузиазме. Между тем, поддержание такого рода размещения информации предполагает наличие постоянного финансирования, наличия конкретных людей, которые будут этим заниматься, и, естественно, времени, которое уйдет на то, чтобы вся арбитражная система была выстроена таким образом. Конечно, это не простая задача, задача не одного дня, не месяца и, может быть, даже не года. Это та цель, к которой, как мне кажется, необходимо всячески стремиться.

— Насколько мне известно, у ВАС РФ существовала позиция, согласно которой все судебные инстанции, принимая судебные акты и следуя принципу публичности и в целях повышения доверия населения и субъектов коммерческой деятельности к судебной системе, в ближайшее время смогут публиковать свои судебные акты в открытом доступе в сети Интернет. Как Вы находите такую возможность, которая могла бы разрешить очень многие проблемы, в том числе и с обеспечением единообразия судебной практики? И возможна ли реализация такой концепции в ближайшее время в России, хотя бы в системе арбитражных судов, где судебный процесс имеет более сложившуюся и определенную структуру и содержание?

— Этот вопрос посвящен, в принципе, той же самой теме, но только затрагивает какие-то вопросы уже тактических действий, связанных с обеспечением открытости нашей судебной системы. Можно ли реализовать эту концепцию открытости в ближайшее время? Я думаю, что мы будем делать все для того,

чтобы это произошло как можно быстрее. Но надо понимать, что на уровне федеральных арбитражных судов округов и Высшего Арбитражного Суда это возможно в пределах года-полугода. Это возможно и для некоторых (но не всех) судов субъектов, для апелляционных судов. Система апелляционных судов еще не создана, поэтому там еще много организационных проблем. В целом реализация этой задачи займет больше года, даже двух. Для того, чтобы ее решить, нужно истратить много времени, сил и средств. Для этих целей мы прибегаем к помощи проекта «Электронная Россия», к различным международным финансовым институтам, которые тоже заинтересованы в развитии такого процесса. Если у нас будет благополучным финансирование для собственного проекта, то мы сможем это сделать довольно быстро. При этом очень важным моментом является не только то, чтобы были найдены деньги на его разработку, но и на дальнейшее поддержание работы этой системы. А для этого нужна добрая воля соответствующих государственных органов. При наличии такой доброй воли, я думаю, данный проект вполне можно реализовать. Во всяком случае, правовых преград для этого я не вижу.

— Когда, по Вашему мнению, в России будет активно использоваться прецедентное право? На мой взгляд, это прямой путь к обеспечению единства судебной практики.

— У прецедентного права есть много противников и сторонников. Если еще лет 10–20 назад противников было гораздо больше, чем сторонников, то сейчас соотношение меняется. Появляется гораздо большее количество сторонников прецедентного права. Вместе с тем, этот вопрос не так прост, как кажется. Ведь прецедентное право в странах англосаксонской системы права формировалось столетиями. Оно соответствует сложившейся правовой традиции. В России такой правовой традиции не было. И если мы хотим ее создать, то на это тоже уйдет довольно много времени. Во всяком случае, трудно себе представить какой-то одномоментный акт, в результате которого у нас сразу будет сформировано прецедентное право. На пути его формирования большую роль сыграет повышение авторитета судебных органов, их независимости и отсутствие подверженности внешним влияниям. Прецедент формируется авторитетной судебной системой, она должна поддерживаться подавляющим большинством людей в обществе, и тогда ее решения могут стать основой для последующих решений. Эти прецеденты будут, если можно так выразиться, активированы, иметь широкую поддержку. Поэтому я бы связал создание системы прецедентного права с повышением независимости и авторитета суда в целом. Чем выше будет независимость и авторитет, тем больше шансов для того, чтобы в нашей

стране все-таки была сформирована система прецедентного права.

Теперь что касается прецедентного права как способа обеспечения единства судебной практики. Действительно, это так. Прецедент, конечно, формирует практику. Причем это, если так можно выразиться, самый быстрый процессуальный способ обеспечения единства, потому что решение принимается уже по конкретному делу и все дела в последующем решаются в соответствии с этим прецедентом.

Что такое внедрение прецедента применительно к деятельности российских арбитражных судов? Видимо, это признание возможности применять те или иные постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда при рассмотрении других дел. Здесь, правда, тоже есть немало проблем. Все-таки решение Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации было вынесено по конкретному делу, т.е. основано на тех доказательствах, которые в нем были собраны. В наших условиях, когда Президиум не пересматривает дело целиком, по сути его постановление сводится к толкованию соответствующих норм закона, исходя из того, что обстоятельства дела уже доказаны и не проверяются. В этом смысле постановление нашего Президиума не совсем похоже на прецедент по конкретному делу, хотя здесь грань очень зыбкая. Формально постановление Президиума сейчас не является основанием для решения аналогичных дел. Те ссылки, которые имеются в наших постановлениях и других судебных актах на состоявшееся постановление Президиума, это не ссылки на закон, они не тождественны ссылкам на закон. Ведь закон подлежит применению во всех случаях, а суд не может положить одно лишь наше постановление Президиума в основу решения по конкретному делу. Он должен опираться на закон. Хотя, конечно, здесь все-таки есть некая доля лукавства. И мне кажется, что грань между прецедентом и постановлением Президиума часто найти очень трудно, но пока что формально эту грань нужно проводить.

— **Не считаете ли Вы целесообразным в целях достижения единообразия судебной практики наделить должностных лиц ВАС РФ (Председателя и заместителей) полномочиями по внесению (в исключительных случаях) по собственной инициативе в Президиум ВАС РФ мотивированных представлений по пересмотру судебных актов в порядке надзора (т.е. закрепление за данными должностными лицами полномочий, аналогичных полномочиям Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей)? Как Вы и Ваши коллеги по Пленуму и Президиуму планируете обеспечить единообразие судебной практики в области пересмотра арбитражными судами су-**

дебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам (в частности, по вопросу о том, выявление каких обстоятельств является основанием для пересмотра судебного акта)?

— Что касается надления должностных лиц Высшего Арбитражного Суда — Председателя и заместителей — полномочиями по внесению (в исключительных случаях) по собственной инициативе в Президиум Высшего Арбитражного Суда мотивированных постановлений по пересмотру судебных актов в порядке надзора, то с этим вопросом мы уже разобрались. Такие полномочия раньше были у Председателя и заместителей, но они рассматриваются международной практикой, в том числе Европейским судом по правам человека, как дискреционные полномочия, т.е. такие полномочия, которые осуществляются по воле соответствующих должностных лиц и вне установленной процессуальной формы. К тому же они позволяют пересматривать дела, которые уже рассмотрены коллегиально. Так что здесь в этом смысле есть много минусов. Ведь все судьи должны быть равны с точки зрения их полномочий. И сейчас наше арбитражное процессуальное законодательство это равенство обеспечивает. У нас Председатель в сфере процессуальной деятельности не имеет особых прав, как и его заместители. Факт наличия дискреционных полномочий у Председателя и заместителей Председателя нарушает принцип равенства процессуальных прав судей и фактически позволяет по воле одного человека пересматривать коллегиальные решения. Данная практика подвергается критике со стороны европейских институтов, в которых мы участвуем, и в свое время была отвергнута.

Что касается пересмотра решений в виде исключения, то здесь важно, чтобы жестко применялись сроки, в течение которых эти решения могут быть пересмотрены. В противном случае не будет стабильности судебных решений. У нас сейчас такие сроки существуют, судебная ошибка в рамках этих сроков может быть устранена. Но за пределами этих сроков устранение судебной ошибки, даже если она выявлена, невозможно. Возможен только пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Этот вопрос очень дискуссионный и здесь не обойтись без принятия соответствующего постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Думаю, что в ближайшее время такое постановление выйдет, потому что мы его уже почти обсудили. Осталось недолго до его окончательного принятия.

— **Вы совсем недавно вступили в должность. Скажите, какие свои конкретные шаги, сделанные за этот период, Вы считаете наиболее важными и действенными? Может быть, они связа-**

ны как раз с обеспечением единства судебной практики?

— Я сравнительно недавно вступил в должность — прошло всего 4 месяца с момента, когда я приступил к исполнению своих обязанностей. Этот срок, с одной стороны, достаточно большой для того, чтобы детально ознакомиться с делами, а с другой стороны, достаточно маленький, чтобы произвести какие-то серьезные радикальные изменения. Он достаточен для того, чтобы выработать некие предварительные планы, чтобы двигаться в том направлении, которое мне кажется правильным. Поэтому я думаю, что какие-то конкретные шаги, которые можно назвать, это шаги, направленные на обеспечение единообразия судебной практики, повышение стройности всей системы практики, обеспечение ее четкости и всеохватности обобщений, которые проводятся.

Второе направление деятельности — это попытка разработать комплекс мер, направленных на соединение принципа открытости судебного разбирательства с современными электронными цифровыми технологиями. Конкретные мероприятия здесь могут быть предложены в виде дополнения к программе «Электронная Россия», в виде соответствующих предложений в новую программу «Развитие судебной системы на 2007–2011 годы», в реформе отдельных положений Арбитражного процессуального кодекса и т.д.

— **Считаете ли Вы необходимым публиковать в официальном издании ВАС РФ — Вестнике ВАС РФ — отчеты о результатах обсуждения, да и ход самого этого обсуждения, вопросов судебной практики Научно-консультативным Советом при ВАС РФ, а также Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства? В названные Советы входят ведущие ученые в разных областях материального и процессуального права, следовательно, учет их позиции по конкретным вопросам правоприменения позволит еще одним способом наладить мостик между складывающейся судебной практикой и последними достижениями науки.**

— Действительно, заседания и Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде, и Совета по кодификации стенографируются. Соответственно, у нас есть стенограммы этих обсуждений, но они очень велики по своему объему. Поэтому публикации их в Вестнике Высшего Арбитражного Суда требуют определенной и очень серьезной редакторской работы. Но особого секрета мы из этих документов не делаем, поэтому если у кого-то возникнет желание опубликовать соответствующие

материалы или выдержки из них, то мы готовы их предоставлять. Я думаю, что это обсуждение может иметь довольно значительный интерес для научной общественности и показывать полезность таких документов.

— **Если кассационным судом нарушено единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права, а ВАС РФ не принял дело к пересмотру в порядке надзора, невзирая на то, что сам ВАС РФ неоднократно по аналогичным делам принимал решение в пользу налогоплательщиков (о чем свидетельствует арбитражная практика), может ли налогоплательщик по этому же делу снова обратиться в ВАС РФ в связи с ошибкой судьи в толковании норм права?**

— Допущена ли судебная ошибка по делу или нет — это вопрос судебного разбирательства. Поэтому нельзя абстрактно формулировать ответ на такой же абстрактный вопрос. Что значит «по аналогичным делам»? Насколько эти дела аналогичны? Похожи они, не похожи на те, которые были? Это вопрос судебного разбирательства по конкретному делу. Что же касается повторного обращения в Высший Арбитражный Суд, то Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации его не запрещает, но это обращение должно быть по новым основаниям. Это действительно должны быть новые основания — те, по которым еще не было отказа в передаче дела в Президиум. Однако обращение в Высший Арбитражный Суд должно быть произведено в течение установленного срока. Соответственно, если 3-месячный срок пропущен, то исправить ошибку, если она есть, уже довольно трудно. Во всяком случае в Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации.

Что же касается срока для пересмотра решений в порядке надзора, который многие критикуют, то он как раз соответствует практике Европейского суда по правам человека, который допускает пересмотр только в течение определенного срока, невзирая на наличие в деле судебной ошибки.

— **Хотелось бы вернуться к вопросу о разнообразии «отказных» определений ВАС РФ. Сколько всего таких определений вынесено в 2004 г., по скольким из них истребовались арбитражные дела, а по скольким решения принимались по заверенным копиям приложенных к надзорным жалобам судебных актов?**

— Да, мы можем предоставить такую статистику. В 2004 г. поступило 19 935 заявлений о пересмотре судебных актов в порядке надзора. Из них было возвращено 3860 (19,4%). Рассмотрено 15 816 заявлений, по 15 457 вынесено определение об отказе в пе-

редаче дел в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В том числе с истребованием дел — 1749 (11,3%), без истребования (по копиям оспариваемых судебных актов) — 13 708.

— Среди правоведов в последнее время развернулась дискуссия о перспективах развития судебной системы, в том числе и об отказе от арбитражных судов путем объединения всех судов в рамках Верховного Суда РФ (см.: статья проф. Попондопуло / Закон. 2004. № 10; статья проф. Нехаев / 2005. № 1). Ваше мнение по данной проблеме, в том числе и с учетом темы интернет-конференции?

— Вопрос о перспективах развития судебной системы, о соединении всех судов в рамках Верховного Суда не так прост, как кажется. Идет обсуждение этой проблемы, эти предложения неоднократно высказывались, но для непосредственной реализации этого предложения с точки зрения тактики, прежде всего, как минимум, нужно внести изменения в Конституцию Российской Федерации, и эти изменения должны предполагать наличие политической воли на изменение Конституции. Сейчас это вряд ли возможно. Так что с точки зрения ближайших перспектив я не вижу каких-то серьезных оснований для внесения изменений в Основной закон и, соответственно, изъятия оттуда указания на наличие арбитражных судов.

Что касается вопросов доктринальных, то здесь существуют два магистральных пути развития судебной системы. В разных странах эти пути реализуются. Европейские страны идут по пути дифференциации ветвей судебной власти — их в некоторых странах гораздо больше, чем у нас. Во многих странах, напротив, создается единая судебная система во главе с Верховным Судом. Выбор того или иного варианта — это вопрос прежде всего политической целесообразности, с одной стороны, а с другой стороны, вопрос организационно-технический. Вопрос политической целесообразности я обсуждать не берусь. Что касается организационно-технического вопроса — в тех странах, где есть единая судебная ветвь, как правило, нет такой жесткой и большой вертикали судов, какая есть у нас. Возьмем те же Соединенные Штаты Америки, там же есть отдельные суды штатов, которые рассматривают довольно большой объем дел, и они не входят в общую федеральную вертикаль. Теперь представим себе, что мы эту модель строим в условиях Российской Федерации — модель единой ветви судебной власти. Представим себе, что соединены вместе арбитражные суды и суды общей юрисдикции в субъектах. Это будут огромные суды. Как можно разумно организовать работу суда, в котором 300 судей, я, честно говоря, себе с трудом представляю. Это будет неуправляемая судебная ветвь. Это будет неуправляемый суд. Похожая ситуация будет и на уровне Верховного Суда. Если соединить вместе общее количество наших судей, которые должны быть у нас, и судей Верховного Суда, опять-таки будет очень трудно организовать работу на уровне Верховного Суда. Так что налицо ряд, если можно так сказать, причин организационно-управленческого, технического свойства, которые препятствуют соединению в единую ветвь, поскольку у нас все-таки существует единая система, не существует вертикали в рамках судов субъектов Российской Федерации, которые выведены из общей федеральной вертикали как в США. Соответственно, данная судебная система у нас будет слишком неповоротливым и тяжелым механизмом. Я думаю, что для России, если мы хотим построить систему, которая соединяла бы в себе все виды судов, и была бы федеральной, у нас другого выхода, кроме как только пойти по пути дифференциации по предметному признаку, нет. Во всяком случае пока.

— Каким образом будет продолжена работа по обеспечению единообразия судебной практики между судами арбитражными и общей юрисдикции? Например, по спорам о взыскании пени. Суды общей юрисдикции занимают позицию по применению ст. 333 ГК РФ к спорам публично-правового характера, исходя из того, что действующее законодательство не должно быть направлено на разорение налогоплательщика (см.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 7). Суды арбитражные поступают иначе.

Можно согласиться, что судебная система, поделенная на разные суды, приводит к различной «межсудебной практике». Однако совсем не годится, когда неодинакова судебная практика судов «арбитражной» системы по одному и тому же вопросу. Что предполагается приоритетным в этом вопросе? Да и возможно ли «обеспечить единообразие», если у нас система права «околопандектная», законодательство противоречивое и, самое главное, нестабильное.

— Обеспечение гармонизации судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции — это вопрос, который нас, конечно, тоже беспокоит. У нас есть несколько спорных вопросов по применению тех или иных норм, которые нам хотелось бы согласовать с судами общей юрисдикции. В этом смысле мне кажется правильным то предложение, которое мы сделали Верховному Суду Российской Федерации — создать постоянно действующую рабочую группу, которая занималась бы вопросами гармонизации нашей судебной практики по гражданским делам и подготовкой совместных постановлений.

влений Пленумов по этим вопросам. Если нам удастся создать такую рабочую группу и она начнет работать, то есть шансы, что мы сможем возникающие противоречия оперативно устранять.

Что касается применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, то я бы не стал обсуждать правильность позиции судов общей юрисдикции, потому что мне кажется, что этот вопрос требует более деликатного и мягкого обсуждения, может быть, в составе указанной рабочей группы. Я думаю, что многое зависит от особенностей тех дел, в которых был сделан этот вывод. Мне эти дела неизвестны, поэтому я бы здесь так на основании какого-то общего, весьма неконкретизированного, текста не стал бы делать какие-то однозначные выводы. Что касается вопроса о возникновении различий практики внутри арбитражной системы, то на этот вопрос уже был дан ответ выше.

— Как Вы считаете, обоснован ли (учитывая загруженность судов) пятидневный срок, отведенный ст. 271 АПК РФ на изготовление и направление мотивированного постановления? В процессе работы я неоднократно сталкивался с тем, что судьи, не успевая подготовить постановления в этот срок, тем не менее датировали мотивированные постановления так, чтобы создать видимость его соблюдения — задним числом. В результате фактически сокращался срок на кассационное обжалование, поскольку написать жалобу можно было, к примеру, только с 28 числа, а постановление было «изготовлено» уже 9-го.

— Действительно, пятидневный срок на изготовление мотивированного постановления очень краток. Я думаю, что нужно обсудить это и, возможно, его удлинить. Хотя в значительной степени это зависит от дисциплинированности судей. Соответствующее предложение можно будет внести в Арбитражный процессуальный кодекс, но думаю, что срок не должен быть очень длинным. Раза в два его можно увеличить, но не более того.

— Планируете ли Вы предпринимать какие-либо действия по искоренению практики предоставления процессуальных «льгот» отдельным лицам, участвующим в деле, в частности, органам государственной власти? Ситуация патовая — в подавляющем большинстве судебных процессов любая неясность в содержании закона толкуется в пользу органа государственной власти, бремя доказывания всегда перераспределяется в угоду органам государственной власти. Принцип состязательности не действует, суд зачастую выполняет всю работу за государственный орган, хотя не вправе участвовать

в сборе доказательств. Такая ситуация представляется неприемлемой.

— Я, честно говоря, не совсем понял, о каких процессуальных льготах идет речь. Эти льготы в законе не закреплены, напротив, там закреплен принцип равноправия сторон по делу. Речь должна идти не о том, чтобы эти льготы устранить, поскольку их нет в законе, а об изменении практики, когда все толкуется в пользу органа государственной власти. Но, честно говоря, мне такие случаи неизвестны. Во всяком случае, я не видел ни одного судебного решения, в котором бы, в нарушение положений закона, суд перераспределил бремя доказывания с государственного органа на предпринимателя или гражданина. Наверное, человек, приславший вопрос, имеет в виду неформальную поддержку судами государственных органов. Но это из материалов дела обычно не видно. Такие сомнения могут быть устранены, если повысится степень независимости судей. Такие сомнения, как правило, рождаются в условиях, когда в прессе ведутся рассуждения о том, что у нас нет истинной независимости судей от государственных органов. Поэтому мне кажется, что меры, направленные на укрепление независимости судей, постепенно исправят ситуацию.

— В одном из интервью Вы высказали мысль о том, что имеют место случаи, когда при помощи несовершеннолетнего законодательства о банкротстве ведется передел собственности. Высказано мнение о необходимости единообразного подхода судей к подобным вопросам и о возможном направлении информационного письма с указанием наиболее типичных ситуаций недобросовестных действий. Ведется ли какая-либо работа в этом направлении?

— Мы непрерывно ведем мониторинг судебной практики по делам о банкротстве. И сейчас можно сказать, что острота проблемы о переделе собственности в процессе банкротства слегка снизилась, хотя, конечно, такой передел по-прежнему возможен. Если раньше это было возможно благодаря простому несовершенству законодательства, то сейчас это невозможно или, во всяком случае, затруднено благодаря существующей усовершенствованной процедуре банкротства.

Банкротство субъектов хозяйственной деятельности нередко влечет за собой отрицательные социально-экономические последствия. Имея в виду это обстоятельство, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации уделяет большое внимание анализу судебной практики по делам о несостоятельности (банкротстве). Так, Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации принял постановление от 15.12.2004 г. № 29 «О некоторых

вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». За последний год Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации направил арбитражным судам шесть информационных писем, в которых в той или иной степени затрагивались вопросы применения законодательства о банкротстве. Возможно, к примеру, назвать информационное письмо от 30.12.2004 г. № 88 «О некоторых вопросах, связанных с утверждением и отстранением арбитражных управляющих».

В рекомендациях, направлявшихся в арбитражные суды, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации обращал внимание на необходимость тщательного исследования конкретных обстоятельств по делу, исключения поспешности и формализма при введении той или иной процедуры банкротства, активного использования полномочий в части принятия мер к примирению должника и кредиторов и достижению ими мирового соглашения.

Что касается недобросовестных действий при банкротстве, то здесь, мне кажется, необходимо провести соответствующую работу по обобщению этих типичных ситуаций, касающихся данных недобросовестных действий, и, возможно, следует подготовить соответствующее информационное письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Тем более, что в последнее время изменилось уголовное законодательство, касающееся этого направления.

— Почему на практике арбитражные суды не обязывают государственные органы и органы местного самоуправления оплачивать государственную пошлину, согласно п. 12 ст. 333.21 НК РФ, при их обращении с апелляционными и кассационными жалобами. Ведь согласно п. 1 ст. 333.37 НК РФ от уплаты госпошлины они освобождаются только в случае обращения в арбитражный суд в защиту государственных и/или общественных интересов, т.е. когда выступают истцами. Представляется, что эта мера позволит снизить количество обращений госорганов в арбитражные суды с заведомо «проигрышными» апелляционными и кассационными жалобами. Тем более, что Верховный Суд РФ в определении от 01.03.2005 подтвердил аналогичную обязанность госорганов платить госпошлину при обращении с кассационными жалобами в суды общей юрисдикции. Мне кажется, мой вопрос относится к заявленной теме с точки зрения единства практики Верховного и Высшего Арбитражного Судов.

— При ответе на поставленный Вами вопрос следует учитывать то обстоятельство, что правовое регулирование уплаты государственной пошлины с 1 ян-

варя 2005 г. регулируется новым актом — главой 25.3 Налогового кодекса. В связи с этим необходимо выработать практику применения данной главы. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, в целях разъяснения судам отдельных положений норм Налогового кодекса о государственной пошлине, издал в мае этого года Информационное письмо «О некоторых вопросах применения арбитражными судами главы 25.3 Налогового кодекса Российской Федерации». В п. 20 данного Информационного письма по вопросу уплаты государственной пошлины государственными органами и органами местного самоуправления судам дано разъяснение о том, что при применении данного положения Налогового кодекса следует учитывать, что согласно ч. 1 ст. 53 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации к упомянутым органам относятся такие органы, которым право на обращение в арбитражный суд в защиту государственных и общественных интересов предоставлено федеральным законом. Вместе с тем нужно сказать, что по поставленному Вами вопросу в практике арбитражных судов нет единства, что вызвано в немалой степени противоречивостью самого Налогового кодекса (например, есть противоречие между п. 1 ст. 333.37 НК РФ и п. 5 ст. 333.40 НК РФ). Считаю, что данный вопрос будет однозначно решен Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации при рассмотрении конкретного дела в порядке надзора, как это имело место в упомянутом Вами Определении Верховного Суда Российской Федерации, который высказался по данному вопросу по результатам рассмотрения конкретного дела.

— Что Вы можете предпринять (и намерены ли Вы это сделать) для того, чтобы процедура назначения судей ускорилась? В настоящее время период назначения претендентов на должности судей составляет более года (если считать со дня получения положительного заключения от квалификационной коллегии). Неужели нельзя ускорить этот процесс? Ведь в соответствии с нормами Закона «О статусе судей» (в последней редакции) об открытии вакансии на должность судьи сообщается за полгода до истечения срока полномочий судьи. Так вот, можно ли решить вопрос с Администрацией Президента РФ таким образом, чтобы за эти полгода произошло назначение на должность судьи претендента на эту должность?

— Процедура назначения судей действительно довольно длительная. Многие уже с этим смирились как с неизбежностью. С другой стороны, скоропалительное назначение судей тоже не лучший вариант, особенно с учетом требований обеспечения независимости судей. Для того, чтобы все эти моменты вы-

яснить, нужно проводить проверочные мероприятия в отношении судьи, а на это требуется время. Мне кажется, что ускорить процедуру назначения судей можно, если правильно продумать организационные механизмы. Во-первых, желательно было бы получить от судьи уже при подаче заявления гораздо больший объем сведений, чем тот, который сейчас предоставляется. В частности, вопросник мог бы быть длиннее. Это существенно облегчило бы процедуру проведения проверочных мероприятий. Соответственно, закрепив подробный вопросник в законе, следовало бы установить некоторые запреты для судей, связанные с их статусом. В частности, и я уже говорил об этом неоднократно, считаю, что одной из таких мер может быть запрет быть судьей тому, чьи близкие родственники являются адвокатами или работают в юридических фирмах, участвующих в судебных процессах. Это один из вариантов. Во-вторых, возможны и другие организационные мероприятия. Но, конечно, при этом желательно было бы установить срок проведения подобных мероприятий, при пропуске которого кандидатура должна считаться автоматически согласованной. Мне кажется, что это ускорит процедуру назначения судей и улучшит ситуацию, но для этого нужно вносить изменения в законы.

— Как идет процесс назначения арбитражных судей? Ваш предшественник как-то посетовал на тот факт, что в Администрации Президента РФ находится около 420 личных дел кандидатов. И как эта волокита соотносится с проводимой судебной реформой?

— Вопрос посвящен, в принципе, той же проблеме. К сожалению, процесс назначения арбитражных судей за прошедший период не ускорился. Ситуация по-прежнему осталась в том же состоянии. Однако мне кажется, что большая строгость в отборе кандидатов как раз соответствует целям проводимой судебной реформы. Ведь проводимая судебная реформа нацелена на то, чтобы создать независимый, беспристрастный, свободный от личных влияний и корыстных проявлений суд. Это предполагает серьезную проверку кандидатов применительно к их прошлой жизни и к деятельности на посту судьи, если они уже таковыми являются. Так что проверочные мероприятия необходимы. Другой вопрос, что они не должны надолго затягиваться.

— Как можно реально воздействовать на судью, унижающую адвоката в ходе судебного разбирательства, открыто заявляя об отсутствии профессионализма, заведомо давая таким образом понять об исходе заявленного иска? Является ли некорректность (мягко говоря) судьи и грубость с участниками процесса частым явлением нашей действительности?

— С учетом принципа независимости судей реально воздействовать на судью, унижающего адвоката, можно лишь путем подачи жалоб и обращений в квалификационные коллегии. Мне кажется, что это, пожалуй, один из немногих механизмов, которые здесь можно использовать. Вежливое, тактичное ведение судебного процесса — это признак профессионализма судьи. Если же он допускает оскорбительные высказывания в ходе этого процесса, то на них нужно реагировать. Квалификационные коллегии должны это делать. С учетом принципа независимости судей другого механизма воздействовать на них нет. Что же касается вопроса о том, является ли это распространенным фактом или частным явлением в нашей арбитражной системе, я бы сказал, что нет. Это для нас крайне редкий случай. И если такое бывает, то мне кажется, что квалификационные коллегии на подобное поведение реагируют должным образом.

— Хотя заседания арбитражных судов по закону публичны, в реальности доступ в них для посторонних (то есть именно для «публики») невозможен из-за пропускной системы. До каких пор декларации будут расходиться с делом?

— Действительно, наши судебные заседания открыты, но в то же время они должны быть безопасны. Установление пропускных систем — это способ обеспечения безопасности участников судебных процессов на случай, если такая угроза возникнет. Поэтому существование самих этих пропускных систем в виде металлических рамок, просвечивания вещей, металлоискателей и т.д. не противоречит принципу открытости правосудия. Другой вопрос, что судебная система не до конца обеспечена средствами защиты, которые позволяли бы сохранять открытость судебных процессов, т.е. пропускать в суды любых людей, потому что таких средств во многих судах просто нет. Допустим, в Высшем Арбитражном Суде РФ эти средства имеются, хотя и не все. Во всяком случае, у нас есть рамка, но у нас, например, нет аппарата, который просвечивал бы содержимое портфелей, сумок. Надеюсь, мы его сможем в ближайшее время приобрести и тогда, в принципе, доступ в здание суда можно будет осуществлять более-менее свободно. Я думаю, что какого-то особого умысла в том, чтобы не пускать посетителей на судебные процессы, нет. Скорее, все сводится к тому, что многие суды не обеспечены средствами, достаточными для обеспечения безопасности участников судебных процессов и самих судей. В этом главная причина. И, конечно, недостаточно количество должностных лиц, которые занимаются охраной судов — это еще одна из причин. В то же время, не должно быть препятствий для лица, которое соблюдает все требования безопасности и готово представить об этом соответствующее подтверждение — пройти соответствующие процедуры при проверке — для участия в процессе. □